

Введение

За Делёза: политэкономия, материалистическая диалектика и спекулятивная философия

«Может быть, наш век станет однажды делёзианским»: это известное утверждение Фуко на сегодняшний день, казалось бы, подтверждается всем ходом развития мысли. Философия Жюль Делёза сегодня находится в центре внимания. Многие теоретические движения, возникшие в последние годы, провозгласили Делёза своим предшественником и вдохновителем. Критика всех трансцендентных инстанций, отказ от диалектического опосредования и радостное утверждение ничем неограниченной имманентности стали «общим местом» в современной философии и далеко за ее пределами.

Однако не является ли эта популярная версия делёзианства философией вчерашнего дня? На это, казалось бы, указывает ряд претензий, предъявляемых делёзовской мысли в последние годы. С одной стороны, несмотря на радикальную риторику и влияние, оказанное на левую (прежде всего, антиглобалистскую) политику, такая философия имманентности практически неотличима от идеологии позднего капитализма, от его внутреннего утопического горизонта. Этим объясняется растущее неприятие Делёза среди авторов, связанных с марксистской традицией и современным переосмыслением материалистической диалектики. Его философия отождествляется либо с циничным оправданием политического статус-кво, либо с мистическим бегством от действительных и острых проблем.

С другой стороны, многие представители спекулятивного поворота рассматривают мысль Делёза в качестве одного из ярких примеров «корреляционизма» — позиции, утверждающей невозможность познания абсолюта без его «одомашнивания» той или иной человеческой способностью. В этой связи для новой спекулятивной мысли, провозглашающей возможность нового абсолюта и новой истины, философское наследие Делёза также представляет собой балласт, который должен быть сброшен с корабля современности вместе со всей философией после Канта.

Однако философия Делёза стоит того, чтобы за нее бороться. Она не сводится к идеологии позднего капитализма и содержит в себе возможность альтернативных интерпретаций, обнаруживающих парадоксальную близость идей Делёза к материалистической

диалектике и политэкономическому анализу. Точно так же она не может быть сведена ни к полумистическому витализму, ставящему знак равенства между существованием и потоком жизненного становления, ни к философской критике культуры, рассматривающей проблемы кино, литературы и психоанализа. В этом номере философия Делёза получает целый ряд прочтений, в которых ее революционное ядро извлекается наружу из мистической или циничной оболочки.

В первой части номера Эндрю Пендакис, Гийом Коллетт и Дэниэл В. Смит ставят вопрос о политическом значении философии Делёза. Пендакис, продолжая долгую традицию марксистской критики, связывает онтологические размышления Делёза о «середине» с политикой по ту сторону оппозиции правого и левого. Это дает возможность автору утверждать, что обращение к философии Делёза в целях онтологического обоснования левой политики является ошибочной стратегией.

Коллетт в своей статье полемизирует с традицией марксистской критики делёзианства. Марксистская критика настойчиво указывает на то, что Делёз не выделяет политику в качестве автономной сферы, в конечном счете всегда подчиняя ее философии. Однако как полагает Коллетт, философия Делёза имеет трансдисциплинарный характер, а значит, может существовать только внутри политики, а не наоборот.

К политике в контексте философского наследия Делёза также обращается Дэниэл В. Смит. Его историко-философский анализ показывает, что критика либидинальной (Фрейд) и политической (Маркс) экономии со стороны Делёза с необходимостью укоренена в спинозистской аффирмативной онтологии, придающей политике более демократический характер.

Статьи Эндрю Калпа и Александра Погребняка посвящены обновлению политэкономии, которое осуществляют Делёз и Гваттари. Возможность такого обновления Калп связывает с тем, что Делёз и Гваттари создают своеобразную критическую антропологию капитализма. Политэкономия, увиденная через призму антропологии, позволяет Калпу, во-первых, отказаться от (пост)операистского отождествления двигателя революционного развития с производительными силами, а во-вторых, обосновать необходимость перехода к анархистской теории «революции извне».

Уникальность интереса Делёза и Гваттари к политэкономии на фоне общего противопоставления политики и экономики, собственного современной левой теории (Балибар, Рансьер, Бадью) подчеркивает Погребняк. Обнаруживая истоки делёзо-гваттарианской политэкономии в маржинализме и фурьеризме XIX века, он интерпретирует маржинализм в утопически-революционном ключе,

отличном от право-акселерационистского прочтения, предложенно-го Ником Ландом.

Йозель Регев, Ксения Капельчук и Антон Сюткин осмысляют связь философии Делёза с материалистической диалектикой. Регев видит в делёзианстве развитие альтюссеровской материалистической диалектики. Если в традиционном марксизме объект материалистической диалектики сводится к практике, а в левой теории после 68-го года — к «данности не-данного», то Делёз, согласно Регеву, делает возможным нередуцирующее понимание этого объекта. Такое понимание должно помочь избежать политических провалов, постигших материалистическую диалектику в ее предыдущих версиях.

Распространенное представление о Делёзе как об антидиалектическом мыслителе также опровергается Капельчук. Она показывает, что в ряде своих работ Делёз развивает диалектическую философию, но не гегелевского типа. Если Славой Жижек осуществляет гегельянскую интерпретацию делёзовской философии, то Капельчук, вступая в полемику с Жижеком, подготавливает почву для будущей делёзианской интерпретации гегелевской диалектики.

В статье Сюткина философия Делёза образует поле противостояния материалистической диалектики и неовитализма. Хотя Делёз является объектом критики для материалистических диалектиков (Бадью, Жижек) и источником вдохновения для неовиталистов (Грант, Беннетт), Сюткин настаивает на парадоксальной близости Делёза именно к материалистической диалектике. В частности, теория субъекта, построенная Делёзом вокруг понятия «контрактуализация», выходит далеко за пределы неовиталистской проблематики. Работа с диалектическим измерением философии Делёза, как считает Сюткин, может воспрепятствовать ее деполитизации.

Никита Сафонов и Никита Сазонов помещают делёзианство в контекст спекулятивной философии. Так, Сафонов видит в делёзианстве основной теоретический источник современных исследований звука (*sound studies*). Именно Делёз позволяет исследователям звука выйти за пределы как позитивистского понимания технологий, так и феноменологического описания звука, привязывающего звук к человеку. В этом смысле эссе Сафонова представляет собой набросок делёзианского спекулятивного «звукового мышления». Сазонов в своем эссе рассматривает современную спекулятивную мысль через призму метеорологии и фотографии. Философия Делёза, Мейясу и Ларюэля рассматриваются им как теории возникновения света (вспышки) из темноты. Исключительное внимание к свету, однако, чревато провалом философской мысли в метафизику или идеологию, что побуждает автора развивать свой «антиманифестационный» проект ускользания от этого провала.

Редакторы номера: Антон Сюткин, Йозель Регев